

И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь.

И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих.

И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор...

Откровение Иоанна Богослова

Пролог

Мать стояла у высокого, от пола до потолка, окна, уткнувшись по-девичьи гладким лбом в холод пластика. Взгляд ярко-коричневых, янтарных глаз, в обрамлении сетки мелких морщинок, не отрывался от мира снаружи. Чтобы не входить в комнату к самому родному существу в мире, Аридэль, не задумываясь, отдала бы собственную жизнь.

Женщина прощалась с миром, планетой и жизнью. К счастью для землян, это был не их мир. Он был настолько далек, что даже увидеть его звезду с Земли можно было только в самый мощный телескоп.

Горизонт подернулся темной, едва заметной дымкой, которая росла и вот уже превратилась в стремительно расширяющуюся угольно-черную полосу. Город внизу, всегда шумный и веселый, замер в ожидании неизбежного прихода катастрофы. На широких улицах и проспектах ни машин, ни прохожих. Зелень бесчисленных роц, дальше бескрайняя, плоская как ладонь тундростепь — родина расы драуни, с миллионами населяющих ее живых существ, десятки

тысяч горожан — все обречены. В первые дни атаки на планету казалось, что городу повезло. По нему не пришлось ни единого удара соргисов, то ли поскупились расходовать дорогие ракеты на маленький городок, то ли постарались зенитчики противокосмической обороны — не известно. Это только отсрочило неизбежный конец.

Скрипнула дверь, прошелестели легкие шаги. Подошла другая женщина, похожая словно сестренка, но только намного младше, остановилась позади.

Ветер, предвестник ужаса, что через считанные десятки минут овладеет городом, неистово и страшно завыл. С бешеной скоростью потащил по пустынным улицам оборванные листочки и пыль, вмял ветви деревьев с молодой листвой в землю.

— Планету уже не спасти, матушка, — зябко поежилась женщина помоложе.

— Да, — не оборачиваясь, безжизненным голосом прошептала вторая.

— Мамочка, можно вместо вас останусь я? — ломающая пальцы, произнесла первая.

Старшая вздрогнула, стремительно развернулась.

— Что?!

От крика зазвенели высокие стеклянные бокалы на столе. Щеку дочери обожгла хлесткая пощечина.

Та ойкнула от неожиданности и схватилась за щеку, на ресницах задрожали слезы.

— Прости, прости! — Руки женщины обхватили тонкую талию дочери, сухие губы осыпали лицо самого родного человека холодными как лед поцелуями. — Не смей даже думать об этом! Ты должна улететь на транспортнике!

— Мамошка, как я без вас... — Девушка обняла узкие плечи матери.

— Глупышка, — женщина болезненно улыбнулась сухими губами. На лбу ее темнела, рассекая, незнакомая, пугающая отчужденностью морщина. Заговорила глухим, надтреснутым голосом: — Милая, после смерти отца я живу только ради тебя. Ты выросла, доченька моя. — Ледяная ладонь погладила девушку по щеке, и от этой немудреной ласки все в ней сжалось в снежный комок. — Ты большая и проживешь без меня, а я не могу расстаться с могилой твоего отца. Жаль, что не получится увидеть твоих детей. Я знаю, ты найдешь человека, которого полюбишь. Верь мне, ты же знаешь, женщины нашего рода чувствуют будущее.

Она стояла, прочно утвердившись на полу и слегка расставив ноги, и отступить не собиралась ни на миллиметр.

— А если... если они не примут нас, если они жестокие изуверы, как Ушедшие кланы?

— Нет, — медленно покачала головой женщина. — Я уверена, не может такого быть. Ушедшие — это исключение... Война или конкуренция не могут быть единственным исходом контактов с иным разумом. Иначе зачем вся эта вселенная?

Девушка многое хотела сказать матери, но лишь изо всех сил сжала кулачки.

Полоса на горизонте превратилась в тучу цвета преисподней, какую природа не способна сотворить. Непроницаемо-черное, как сам хаос, облако, полное горького пепла сгоревших городов и радиации, стремительно надвигалось на застывший в страхе город, с каждой секундой поглощая блеклую синеву небес. Рука младшей на плечах матери дрогнула, голова склонилась ей на плечо, что-то теплое потекло по шее вниз.

— Глупышка моя, — ласково произнесла мать, с нежностью глядя в разрисованное черными полосами потекшей туши, дорогое и знакомое до последней черточки лицо. Женщина развернула дочку к себе, вытащила из кармана платок и тщательно вытерла ей лицо. — Не плачь... ты должна выжить и продолжить наш с папой род, обещай мне.

— Да, мамочка.

Некоторое время стояла звенящая тишина, потом долгий, недвижный взгляд вонзился в глаза девушки.

— Ты выполнишь со мной *последний* обряд? Ты единственная родственница.

Девушка содрогнулась от ужаса и посмотрела в обострившееся, словно в предчувствии неизбежного, лицо матери. Едкая горечь подступила к горлу. Ей стало все равно: жизнь, смерть. Она была в отчаянии, и если бы не обещание матери выжить, то осталась бы с ней. Жалко дрогнули губы. Кивнула, низко склонив голову.

— Ну и хорошо!

Женщина посмотрела в окно, застыла. Не-проницаемо-черное, даже какое-то масляни-стое, облако поглотило город. Солнце исчезло с небосвода, стало темно, глаза с трудом видели контуры мебели в комнате — ночь и смерть по-глотили все. Женщина отвернулась от окна и по-смотрела на потолок. Словно повинуюсь взгляду, там негромко щелкнуло, вспыхнул светильник, осветив желтым светом драуни и неброскую об-становку комнаты. Потом в дверь вошел челове-коподобный робот с сервировочным столиком, полным изысканных яств, и удалился обратно. Посредине стола — два хрустальных бокала на высокой ножке с кроваво-красного цвета вином. Девушка еще раз зябко вздрогнула и обхватила себя за плечи.

— Ешь, доченька, так положено по обычаю.

Девушка несколько мгновений ошеломлен-но смотрела на мать, потом, судорожно сглотнув, кивнула, но так и не смогла заставить себя при-коснуться к еде. Старшая женщина неторопливо отвела по ложке от всех блюд, потом подняла ближайший бокал, дочь последовала ее примеру. Бесцветные, как у мертвеца, губы сжались. Глаза дочери стали размерами с пятак.

— Ну, наверное, и все... — задумчиво протя-нула старшая женщина.

Ослепительно белая пилюля упала в бокал, поверхность вскипела от газов, через несколько ударов сердца успокоилась, а пилюля раство-рилась.

«Вино красное, как кровь», — подумала девушка, изо всех сил сдерживая рвущийся из глубин естества крик.

— Да прибудет в веках жизнь! — громко провозгласила женщина ритуальную фразу на древнем, полузабытом языке и до дна осушила бокал. Девушка едва пригубила свой и поставила назад.

Мать отвернулась к окну, спиной к дочери, навстречу овладевшей городом смерти.

— Иди, Аридэль, — внезапным ударом кинжала саданул по нервам мертвый голос, — не стоит видеть, что будет дальше.

Алебастрового цвета лицо девушки пробороzдили стремительные слезинки, зарывав, она выбежала в дверь.

«Так будет лучше... для всех», — подумала женщина. Ее нежно-белый лоб вновь прижимался к прозрачному и прохладному пластику окна. За его хрупкой преградой стремительно падала температура, все быстрее и тревожнее шелкал счетчик субатомных частиц, скоро уровень радиации станет смертельным для любого крупного существа. Город умирал.

Прошло всего несколько минут, женщина вздрогнула, на лице появилось выражение удивления, и она бесшумно осела на пластик пола. Застывшие глаза смотрели в потолок, хрупкое сердце еще пару раз дернулось в груди и остановилось навсегда. Последней мыслью в умирающем мозге было: «Муж мой, я иду к тебе!» Дверь вновь открылась, роботы подошли к телу, подня-

ли на руки. Им предстояло похоронить женщину в семейной усыпальнице.

Через несколько дней пелена грязно-серых туч и пепла от горящих городов и экваториальных лесов накрыла планету сплошным, непроницаемым пологом. Вскоре сумрак, общепланетное похолодание и радиоактивные осадки уничтожили на суше высшие биологические виды. На несколько столетий планета стала непригодна для сколько-нибудь сложной жизни.

Глава 1

Через три года после событий на далекой планете

Внешний люк старушки МКС бесшумно открылся внутрь переходного отсека. Потянуло затхлым воздухом и туалетными запахами. Русский экипаж — Петр Александров и Анатолий Сидоркин — далеко не новички в космосе. Они непроизвольно поморщились. Ничего не поделаешь, станция старая, все системы порядком изношены, и через год ее собирались затопить в Тихом океане. После этого дальнейшая судьба пилотируемой космонавтики США из-за отсутствия надежных кораблей для доставки на орбиту будет под большим вопросом.

Привычно оттолкнувшись от стены, русские неторопливо вплыли в переходный модуль. Их встречали двое американцев — очередной экипаж, ставший после ухода со станции несколько лет тому назад русских международным весьма условно, потому что девяносто процентов астронавтов составляли американцы. Пол и Алан на-

тянули на лица белозубые голливудские улыбки. За их спиной в иллюминаторе проплывала желтая, с вкраплениями темно-зеленых пятен растительности, Африка. Пол держал сооруженный из крышки контейнера рациона питания поднос с несколькими завернутыми в пластик кусочками хлеба. Рядом, в зажимах, четыре наполненных красным содержимым медицинских шприца, только вместо игл — пластиковые соломинки для коктейлей.

— Хэллоу, парни! — чернокожий астронавт Алан по очереди пожал руки русским. Он гордился тем, что был первым чернокожим представителем «радужного» сообщества на орбите, и о нем взахлеб писали средства массовой информации англосаксонских стран. — Добро пожаловать на МКС! — И уж как-то слишком чувственно прижал гостей к груди.

Анатолий сглотнул слюну, даже голос у негра или, как теперь надо правильно говорить, афроамериканца звучал противно, как в фильмах. В душе появилось неприятное чувство гадливости, от которого не удавалось избавиться. Нет, Анатолий не был расистом или ненавистником сексуальных меньшинств, но такое внимание первого представителя ЛГБТ в космосе изрядно напрягало. Но приказ есть приказ. Сначала посещение с дружеским визитом МКС и только потом к себе на национальную станцию РОСС — российскую орбитальную служебную станцию. Предстояло хлопотное, но небывалое в истории космонавтики дело — достраивать космиче-